

ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ВТОРОЙ ШАНС

Время не властно над теми, кто любит



МОХАММЕД ДЖАМАЛЬ ХАИР

Мохаммед Хайр ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ВТОРОЙ ШАНС

<https://litres.ru/74014953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если одно прикосновение к древнему артефакту перенесет вас на тысячу лет назад? Алексей Волков, современный историк, оказывается в сердце Древней Руси одиннадцатого века — без оружия, без связи, но с багажом знаний будущего.

В мире, где правят мечи и интриги, его главное оружие — ум. Ему предстоит не просто выжить среди суровых воинов и коварных бояр, но и спасти Киев от таинственной организации «Тени», угрожающей стереть саму историю. Сможет ли человек из будущего изменить прошлое, не сломав судьбу? И какую цену придется заплатить за второй шанс?

Эпическое путешествие во времени, где наука встречается с магией, а любовь оказывается сильнее самого времени. Книга для тех, кто верит: знания — это сила, а доброта — бессмертна.

Мохаммед Хайр ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ВТОРОЙ ШАНС

ГЛАВА 1

Москва. Октябрь 2026 года.

Алексей Волков стоял на краю раскопа, вглядываясь в темнеющую землю. Холодный ветер пронизывал куртку, но он не чувствовал холода. Не сейчас. Не здесь. Перед ним лежал слой почвы, которому было больше тысячи лет. Тысяча лет молчания. Тысяча лет забытых историй. И сегодня, возможно, он найдёт одну из них.

— Алексей Сергеевич, — раздался голос помощницы. — Мы закончили расчистку верхнего слоя. Дальше идёт плотная глина. Нужно менять технику.

Он кивнул, не отрывая взгляда от земли.

— Продолжаем вручную. Осторожно. Здесь может быть что-то хрупкое.

Ему было двадцать восемь лет. Кандидат исторических

наук. Специалист по Древней Руси. Но всё это — титулы, степени, публикации — казалось ему сейчас пустым звуком. Настоящая история была здесь. Под ногами. В земле. В тишине, которая хранила секреты дольше, чем любая книга.

Раскопки велись в сорока километрах от Москвы, недалеко от древнего городища, которое, по предположениям учёных, могло быть одним из первых поселений славян на этой территории. Проект финансировался университетом, но сроки горели. Через неделю нужно было представить отчёт. А находок пока не было. Только черепки, кости, обугленные зёрна. Ничего, что могло бы изменить представление об эпохе.

Алексей опустил на колени. Взял в руки кисть. Начал осторожно сметать пыль с небольшого участка. Движения были отточенными годами практики. Мягкими. Терпеливыми. Как врач, оперирующий пациента.

Прошёл час. Два. Солнце медленно склонялось к горизонту, окрашивая небо в оттенки оранжевого и пурпурного. Рабочие начали собираться. Пора было заканчивать на сегодня.

— Алексей Сергеевич, — снова позвала помощница. — Пора в лагерь. Темнеет.

— Ещё пять минут, — ответил он, не поднимая головы.

Он знал это чувство. Интуиция археолога. Что-то было здесь. Совсем близко. Он чувствовал это кожей.

И вдруг его пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Не камень. Не кость. Металл.

Сердце забилося чаще. Он замер. Дышал осторожно, боясь спугнуть находку. Медленно, миллиметр за миллиметром, он продолжил расчистку.

Показался край. Круглый. С узором.

Алексей достал лупу. Наклонился ближе.

Это был медальон. Небольшой. Диаметр — около трёх сантиметров. Толщина — полсантиметра. Поверхность покрыта патиной, но узор читался чётко. Переплетение линий. Символы. Не кириллица. Не латиница. Что-то более древнее. Славянские руны.

Он осторожно взял медальон пальцами. Поднял к свету.

И в этот момент мир изменился.

Не постепенно. Не плавно. Мгновенно.

Свет вспыхнул. Яркий. Ослепляющий. Не от солнца. От самого медальона. Он загорелся изнутри, словно в нём была заключена звезда.

Алексей попытался выпустить находку. Но пальцы не слушались. Медальон прилип к коже. Горячий. Обжигающий.

Он попытался крикнуть. Но звук не вышел. Воздух исчез. Или он сам перестал существовать в привычном пространстве.

Вокруг закружился вихрь. Не ветра. Времени. Он чувствовал, как годы проносятся мимо него. Как века сменяют друг друга. Как эпохи рушатся и строятся заново.

И вдруг — тишина.

Резкая. Абсолютная.

Алексей открыл глаза.

Он лежал на земле. Но это была не та земля. Не раскоп. Не лагерь. Лес. Густой. Древний. Деревья стояли стеной, их вершины терялись в сером небе. Воздух пахнул сыростью, хвоей

и чем-то ещё. Чем-то диким. Неизведанным.

Он сел. Осмотрелся.

Куртка была на месте. Ботинки. Рюкзак. Всё при нём. Но вокруг не было ни техники. Ни людей. Ни следов цивилизации.

Только лес. И тишина.

Алексей встал. Ноги дрожали. Голова кружилась. Он пощупал карман. Медальон был там. Холодный. Обычный. Как будто ничего не произошло.

— Где я? — прошептал он.

Ответом была тишина.

Он пошёл вперёд. Наугад. Лес был густым, но проходимым. Под ногами хрустели ветки. Где-то вдалеке кричала птица. Звук был незнакомым. Не таким, как в современных лесах Подмосковья.

Шёл он долго. Час. Два. Солнце медленно двигалось по небу. Тени удлинялись.

И вдруг он услышал звук. Голоса. Человеческие.

Алексей ускорил шаг. Продирался сквозь кусты. И вышел на поляну.

Перед ним стояла деревня. Не современная. Не реконструкция. Настоящая. Деревянные избы с высокими крышами. Частокол вокруг. Дым из труб. Запах хлеба и дыма.

И люди.

Они вышли из изб. Увидели его. Замерли.

Алексей тоже замер.

Люди были одеты в льняные рубахи, кожаные пояса, меховые шапки. У некоторых — мечи за поясом. У других — луки за спиной.

Это были не актёры. Не реконструкторы. Это были настоящие люди. Из прошлого.

Один из них — высокий, с седой бородой — сделал шаг вперёд.

— Кто ты? — спросил он. Язык был странным. Архаичным. Но Алексей понял. Он был историком. Он знал древ-

нерусский.

— Я... — начал Алексей. И остановился. Что сказать? Правду? Не поверят. Соврать? Но как?

— Я путник, — наконец произнёс он. — Заблудился в лесу.

Старик осмотрел его. Внимательно. Долго.

— Откуда ты? Одежда странная. Речь странная.

— Издалека, — ответил Алексей. — Очень издалека.

Старик кивнул. Медленно.

— Мы не знаем тебя. Но гость в доме — свято. Заходи. Накормим. Обогреем. А потом поговорим.

Алексей вошёл в деревню. Ноги подкашивались. Голова кружилась. Он понимал, что произошло. Но разум отказывался верить.

Он — в прошлом. В Древней Руси. В одиннадцатом веке. Возможно.

И у него нет пути назад.

Пока нет.

Но медальон грел карман. И Алексей знал: это не конец. Это начало.

Начало чего-то большего, чем он мог представить.

Начало, которое изменит всё.

И его жизнь. И их жизни. И, возможно, саму историю.

Но об этом он узнает позже.

Сейчас он был просто человеком. Заблудившимся. Испуганным. Но живым.

И этого было достаточно.

Для начала.

ГЛАВА 2

Изба, в которую его привели, была небольшой, но добротной. Бревенчатые стены, плотно подогнанные друг к другу, пахли свежей смолой и дымом. В углу стояла большая печь, сложенная из камня. На полу — толстые половики из гру-

бой шерсти. У дальней стены — широкий стол, за которым уже сидели двое мужчин. Один из них — тот самый старик с седой бородой, который встретил его на поляне. Другой — помоложе, лет тридцати, с резкими чертами лица и внимательными серыми глазами.

— Садись, — сказал старик, указывая на свободное место у стола. — Гость должен отдохнуть с дороги.

Алексей сел. Ноги дрожали. Он всё ещё не мог поверить в происходящее. Несколько часов назад он стоял на раскопе под Москвой, а теперь сидит в избе, которой, по всем законам истории, не должно существовать. И всё же она была здесь. Реальная. Осязаемая.

Женщина — видимо, жена старика — поставила перед ним деревянную миску с похлёбкой. Густой, ароматный запах поднялся к лицу. Алексей взял ложку — тоже деревянную, грубо вырезанную — и попробовал. Вкус был простым, но сытным. Репа, капуста, немного мяса. Еда людей, которые живут в гармонии с землёй.

— Ешь, — сказал старик. — Потом расскажешь, кто ты.

Алексей ел медленно. Каждое движение давалось с трудом. Сознание работало на пределе, пытаясь осмыслить

невозможное. Он — в прошлом. В одиннадцатом веке. В Древней Руси. Это не сон. Не галлюцинация. Слишком всё реально. Запах дыма. Тепло печи. Грубая ткань рубахи, которую он теперь носил — её дали ему, пока он ел. Его современная одежда казалась слишком странной, и хозяйка настояла, чтобы он переоделся.

— Как тебя зовут? — спросил молодой мужчина, наблюдая за ним с интересом.

— Алексей, — ответил он. — Алексей Волков.

— Волков, — повторил старик, словно пробуя имя на вкус. — От волка, значит. Сильное имя. А отчество?

Алексей замер. Отчество. В одиннадцатом веке отчества ещё не были так распространены, как в более поздние времена. Но среди знати — да. Он быстро сообразил.

— Сергеевич, — сказал он. — От отца Сергея.

Старик кивнул, словно это объяснило многое.

— Я — Ратибор. Староста этой деревни. А это — мой сын, Добрыня.

Добрыня кивнул в знак приветствия. Его взгляд был острым, изучающим. Алексей понял, что этот человек не прост.

Он наблюдает. Анализирует. И, скорее всего, не доверяет незнакомцу.

— Ты говоришь странно, — заметил Добрыня. — Слова наши знаешь, но выговор чужой. Откуда ты родом?

Алексей знал, что должен быть осторожен. Слишком много правды — и его сочтут безумцем или колдуном. Слишком много лжи — и его разоблачат.

— Из далёких земель, — ответил он уклончиво. — С севера. Очень далеко на север.

— С севера, — повторил Ратибор. — Там живут словене. Ильменские. Ты оттуда?

— Нет, — сказал Алексей. — Ещё дальше. Там, где леса не кончаются, а моря замерзают на половину года.

Это было близко к правде. Его «родина» — Москва двадцать первого века — действительно находилась дальше на север, чем Киевская Русь. И моря там действительно замерзали.

Добрыня прищурился.

— Странно. Мы знаем все племена. Все земли. Но о таких, как ты, не слышали.

— Мир велик, — тихо сказал Алексей. — Больше, чем вы думаете.

Наступило молчание. Алексей чувствовал на себе взгляды. Оценивающие. Настороженные. Он был чужаком. И все это знали.

— Ты умеешь что-нибудь? — спросил вдруг Ратибор. — Ремесло? Кузнечное дело? Плотницкое? Воинское?

Алексей задумался. Что он умеет? Он историк. Археолог. Он знает, как жили эти люди. Знает их обычаи, их верования, их быт. Но умеет ли он что-то практическое?

— Я умею читать и писать, — сказал он наконец. — На разных языках. И я знаю многое о звёздах, о временах года, о земле.

Ратибор поднял бровь.

— Грамотный? Это редкость. У нас в деревне только я да священник умеем буквы складывать.

— Священник? — переспросил Алексей. — Христианский?

— Да, — кивнул старик. — Крещение было при князе Владимире. Мы теперь христиане. Хотя старые боги ещё в памяти живут.

Алексей кивнул. Он знал это из учебников. Крещение Руси произошло в 988 году. Значит, он действительно в одиннадцатом веке. Возможно, в первые десятилетия после крещения.

— Грамота — дело полезное, — сказал Ратибор. — Но одна грамота не прокормит. Что ещё умеешь?

Алексей посмотрел на свои руки. Мягкие. Не привыкшие к тяжёлой работе.

— Я могу лечить, — сказал он вдруг. — Немного. Травы знаю. Раны перевязывать умею.

Это было не совсем ложью. Он проходил курсы первой помощи. И как археолог, знал некоторые древние рецепты — из книг, из источников.

Добрыня усмехнулся.

— Лекарь. У нас есть свой лекарь. Баба Яга, — добавил он с усмешкой. — Старая ведунья. Живёт на краю деревни.

— Не смейся, — строго сказал Ратибор. — Ведунья —

дело серьёзное. С ней шутить не стоит.

Алексей промолчал. Он знал, кто такая Баба Яга в фольклоре. Но в реальности — это была, скорее всего, обычная знахарка. Женщина, которая знала травы и помогала людям.

— Ладно, — сказал Ратибор. — Переночуешь у нас. А завтра посмотрим, что с тобой делать. Гость — свято, но даром хлеб есть не будешь.

Алексей кивнул. Это было справедливо. В мире, где каждый кусок хлеба добывается тяжёлым трудом, никто не кормит даром.

Ему отвели место у печи. Постелили солому, покрыли шкурой. Алексей лёг. Тело ныло от усталости. Но сон не шёл. Слишком много мыслей. Слишком много вопросов.

Как он сюда попал? Почему? Вернётся ли обратно? И если вернётся — то когда? Прошло ли там, в его времени, несколько часов или несколько лет?

Он достал из кармана медальон. В темноте избы он казался обычным куском металла. Но Алексей чувствовал его тепло. Слабое. Пульсирующее. Как сердце.

— Что ты такое? — прошептал он.

Медальон молчал.

Алексей закрыл глаза. И наконец уснул.

Утром его разбудил крик. Женский. Испуганный.

Алексей вскочил. Выбежал из избы. На улице уже собралась толпа. Люди смотрели в сторону края деревни. Там, за частоколом, стояла женщина. Старая. Сгорбленная. В тёмном платке. В руках — посох.

— Опять пришла, — шептал кто-то. — Нечистая.

— Тихо ты, — одёрнул другой. — Не слышь она.

Алексей протиснулся вперёд. Увидел картину.

Молодая женщина — видимо, дочь кого-то из жителей — лежала на земле. Билась в конвульсиях. Рядом с ней плакала мать.

— Что случилось? — спросил Алексей у стоявшего рядом

мужчины.

— Лихорадка, — ответил тот. — Трясучка. Уже третий день. Хуже становится.

Алексей подошёл ближе. Осмотрел девушку. Высокая температура. Озноб. Возможно, малярия. В этих краях, рядом с болотами, она была нередка.

— Где ваш лекарь? — спросил он.

— Ведунья вон стоит, — кивнул мужчина на старуху. — Но она не помогает. Говорит, духи злые.

Алексей посмотрел на старуху. Та стояла неподвижно. Смотрела на него. В её глазах было что-то странное. Не злоба. Не равнодушие. Скорее — интерес.

— Можно мне попробовать? — спросил Алексей, обращаясь к матери девушки.

Та посмотрела на него с надеждой и страхом одновременно.

— А ты умеешь?

— Я лекарь, — сказал Алексей. — Из далёких земель.

Позвольте помочь.

Мать кивнула. Алексей опустился рядом с девушкой. Осмотрел её ещё раз. Нужно было снизить температуру. В его времени — жаропонижающие. Здесь — что?

Он вспомнил. Ива. Кора ивы содержит салициловую кислоту. Природный аспирин.

— Мне нужна кора ивы, — сказал он. — И холодная вода. И чистая ткань.

Люди переглянулись. Но Добрыня, который стоял рядом, кивнул.

— Принесите, что он просит.

Через несколько минут всё было готово. Алексей приготовил отвар из коры ивы. Напоил девушку. Смочил ткань холодной водой, положил ей на лоб.

Прошёл час. Два. Температура начала спадать. Девушка успокоилась. Открыла глаза.

Мать заплакала от облегчения. Бросилась благодарить Алексея.

— Спасибо, чужеземец. Спасибо.

Алексей кивнул. Улыбнулся слабо.

— Она будет жить. Но нужно ещё несколько дней ухода.

Он встал. И увидел, что все смотрят на него. По-другому. Не как на чужака. Как на человека, который принёс пользу.

Но один взгляд был особенным. Взгляд старой ведуньи. Она всё ещё стояла у частокола. Смотрела на него. И медленно, очень медленно, кивнула.

Словно признавая в нём равного.

Словно говоря: «Я вижу тебя. Я знаю, кто ты.»

Алексей почувствовал холодок по спине.

Эта женщина знала больше, чем показывала.

И он ещё не раз встретится с ней.

ГЛАВА 3

Ночь после спасения девушки прошла беспокойно. Алексей лежал на своей подстилке у печи, но сон не шёл. Слишком много событий за один день. Слишком много мыслей. И этот взгляд старой ведуньи... Он не выходил у него из головы.

Утром Ратибор разбудил его лично.

— Вставай, Алексей Сергеевич. Поговорить надо.

Алексей сел, потирая глаза.

— Что случилось?

— Ничего плохого, — сказал староста. — Но решение принять нужно. Ты спас жизнь дочери Глеба. Это дело доброе. Но деревня не может кормить человека просто так. Даже грамотного. Даже лекаря.

Алексей кивнул. Он понимал. В этом мире всё измерялось трудом.

— Что вы предлагаете?

— У нас есть проблема, — сказал Ратибор, понизив голос. — Зима близка. Урожай в этом году был слабый. Дожди шли не вовремя. Зерно не вызрело как следует. Если зима будет суровой... — он не договорил, но Алексей понял.

— Вы хотите, чтобы я помог?

— Ты сказал, что знаешь многое о земле, о временах года, — сказал Ратибор. — Докажи. Помоги нам подготовиться к зиме. Если справишься — останешься. Будешь своим. Если нет... — староста развёл руками.

— Понял, — сказал Алексей. — Покажите мне ваши поля. Ваши запасы.

Они вышли из избы. Добрыня уже ждал их.

— Я пойду с вами, — сказал он отцу. — Мне тоже интересно, что знает этот чужеземец.

Они пошли к полям. Деревня располагалась на небольшом возвышении, рядом с рекой. Поля раскинулись вокруг — небольшие участки, расчищенные от леса. Алексей осмотрел их внимательным взглядом историка-археолога, который знал, как работали земледельцы одиннадцатого века.

— Вы используете подсечно-огневую систему? — спросил он.

Ратибор удивлённо посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел такие поля на севере, — уклончиво ответил Алексей. — Но есть способ лучше.

— Какой?

Алексей указал на поле.

— Вы сжигаете лес, чтобы расчистить землю. Это правильно. Но вы не используете золу как следует. И вы не чередуете культуры.

— Что значит «чередуете»? — спросил Добрыня.

— После зерна сажаете бобовые. Горох, бобы. Они обогащают землю. А потом снова зерно. Урожай будет лучше.

Добрыня нахмурился.

— Это звучит странно.

— Попробуйте на одном поле, — предложил Алексей. — Только на одном. Для эксперимента. Если сработает — расширите. Если нет — ничего не потеряете.

Ратибор задумался.

— А что ещё?

Алексей осмотрелся. Увидел, как женщины собирают урожай.

— Вы сушите зерно на солнце?

— Да.

— А если дождь пойдёт?

— Тогда зерно гниёт, — признал староста.

— Постройте сушилку, — сказал Алексей. — Небольшую. С печью внутри. Там зерно будет сохнуть даже в дождь. И вы сможете хранить его дольше.

Он начал объяснять. Просто. Понятно. Используя знания из учебников по истории сельского хозяйства. Ратибор слушал внимательно. Добрыня — с подозрением, но тоже слушал.

— Это всё хорошо, — сказал наконец староста. — Но это на будущее. А сейчас? Зима близко. Что делать сейчас?

Алексей подумал. Вспомнил, что читал о климате одиннадцатого века.

— Соберите все орехи, какие сможете найти. Жёлуди. Грибы. Сушите их. Это запас на зиму. И ловите рыбу, пока река не замёрзла. Сушите рыбу. Она питательна.

— Рыбы много не наловишь, — возразил Добрыня.

— Сделайте сети, — предложил Алексей. — Не удочки. Сети. Из лыка. Так вы поймаете больше.

Добрыня покачал головой.

— Сети... Это сложно.

— Я покажу, — сказал Алексей. — Если у вас есть лыко, вы сплету образец. Вы увидите, как это работает.

Ратибор кивнул.

— Хорошо. Попробуем. Но помни, Алексей Сергеевич — если твои советы не сработают...

— Я понимаю, — сказал Алексей. — Риск на мне.

Они вернулись в деревню к полудню. Алексей сразу принялся за работу. Нашёл лыко — липовое волокно. Начал плести сеть. Руки не привыкли к такой работе, но он помнил принцип из книг по этнографии.

К вечеру сеть была готова. Небольшая. Но функциональная.

— Вот, — сказал он, показывая Ратибору и Добрыне. — Закидываете в реку. Ловите сразу много рыбы.

Добрыня взял сеть. Осмотрел.

— Интересно. Завтра попробуем.

На следующий день Добрыня вернулся с уловом. Глаза горели.

— Это работает! — воскликнул он. — Мы поймали в три раза больше, чем обычно!

Деревня загудела. Люди собрались вокруг. Смотрели на сеть с удивлением и уважением.

— Ты действительно знаешь многое, чужеземец, — сказал Глеб, отец спасённой девушки.

Алексей улыбнулся. Впервые за эти дни он почувствовал, что начинает вписываться в эту жизнь.

Но радость длилась недолго.

Вечером к избе Ратибора постучали. Вошёл мужчина — взволнованный, запыхавшийся.

— Беда! — воскликнул он. — К нам идёт отряд! Неизвестные! Вооружённые!

Все замерли.

— Откуда знаешь? — спросил Ратибор.

— Видел с холма. Человек двадцать. С мечами. С луками. Идут сюда.

— Разбойники? — спросил кто-то.

— Не похоже. Слишком организованы. Это дружина. Чья-то дружина.

Алексей почувствовал холодок. Он знал историю. Одиннадцатый век на Руси — время феодальной раздробленности. Князья воюют друг с другом. Дружинники грабят деревни.

— Что будем делать? — спросил Добрыня.

— Готовиться к обороне, — твёрдо сказал Ратибор. — Все мужчины — к оружию. Женщины и дети — в избы. Закрывать двери.

Началась суeta. Люди бегали. Готовились. Алексей стоял в стороне. Не зная, что делать. Он не воин. Не умеет сражаться.

— А ты, — обратился к нему Ратибор, — иди в избу. С женщинами.

— Но...

— Ты лекарь, — сказал староста. — Если будет бой — понадобишься там. Лечить раненых.

Алексей кивнул. Пошёл к избе, где собрались женщины. Но по дороге его остановила старая ведунья.

— Ты не пойдёшь с женщинами, — сказала она.

Алексей удивлённо посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что ты не трус, — ответила она просто. — Я вижу. В тебе есть сила. Не физическая. Другая. Сила знания.

— Что вы предлагаете?

Ведунья помолчала.

— Иди за мной.

Она повела его к своей избе. Маленькой. Стоящей отдельно от других. У края деревни.

Внутри было темно. Пахло травами. На стенах висели пучки сушёных растений. На столе лежали какие-то свитки.

Алексей удивлённо посмотрел на них.

— Вы умеете читать?

— Немного, — ответила ведунья. — Меня научил священник. Давно.

Она подошла к нему. Внимательно посмотрела в глаза.

— Ты не отсюда, — тихо сказала она.

Алексей замер.

— Что?

— Ты не из этих земель. Не из этих времён, — продолжала она. — Я вижу. Твоя речь. Твои знания. Твои глаза. В них — тоска по другому миру.

Алексей почувствовал, как сердце забилося чаще.

— Кто вы?

— Я — та, кто помнит, — ответила ведунья. — В моей семье есть предание. Что иногда приходят люди из других миров. Из других времён. Они приносят знания. Меняют судьбы.

— Вы верите в это?

— Я видела такое, — сказала она просто. — Моя прабабка рассказывала. Что в её время пришёл человек. Тоже чужеземец. Тоже странный. Он научил их лечить болезни. Строить крепче. И исчез. Никто не знал куда.

Алексей молчал. Не зная, что сказать.

— Ты такой же, — продолжила ведунья. — И у тебя есть выбор.

— Какой?

— Сражаться вместе с ними. Использовать свои знания. Помочь им выжить. Или спрятаться. Ждать, пока всё закончится.

— А что выберете вы?

Ведунья усмехнулась.

— Я уже выбрала. Много лет назад. Я помогаю тем, кто приходит. Как помогла тебе, когда ты спас девушку.

— Вы помогли мне?

— Я не стала мешать, — сказала она. — Это тоже помощь.

Иногда достаточно не мешать добру.

Снаружи раздался крик.

— Они близко!

Ведунья повернулась к Алексею.

— Время вышло. Выбирай.

Алексей глубоко вздохнул.

— Я буду сражаться. Не мечом. Но умом.

Ведунья кивнула.

— Я так и думала. Иди. И помни — знания сильнее меча.

Но только если ты смеешь их использовать.

Алексей выбежал из избы. Деревня готовилась к бою. Мужчины стояли у частокола. С мечами, копьями, луками.

Ратибор увидел его.

— Я сказал тебе идти к женщинам!

— Я передумал, — сказал Алексей. — Я могу помочь.

— Чем? Ты не воин.

— Нет, — согласился Алексей. — Но я знаю, как они бу-

дут атаковать. И как мы можем защититься.

Добрыня подошёл ближе.

— Что ты предлагаешь?

Алексей осмотрел укрепления. Частокол. Невысокий. Простой.

— Они пойдут с той стороны, — указал он на запад. — Там земля ровная. Им удобно построиться.

— И что?

— Поставьте лучников на восточной стороне, — сказал Алексей. — Когда они начнут атаку с запада, ударьте им в тыл с востока.

Добрыня нахмурился.

— Это хитрость.

— Это тактика, — поправил Алексей. — Разделите их силы. Запутайте.

Ратибор посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Ты уверен?

— Нет, — честно признался Алексей. — Но это наш шанс. Староста кивнул.

— Хорошо. Добрыня, бери пять лучников. Иди на восток.

Жди моего сигнала.

Добрыня кивнул. Ушёл.

Алексей остался с Ратибором.

— А теперь?

— Теперь молимся, — тихо сказал староста. — И готовимся умирать.

Алексей сжал кулаки. Он не хотел умирать. Не здесь. Не сейчас. У него ещё столько всего впереди.

Но он знал — судьба не спрашивает, когда прийти.

И теперь она пришла за ними всеми.

ГЛАВА 4

Ветер усилился, принося с собой запах прелой листвы и сырой земли. Небо затянуло свинцовыми тучами, и казалось, что даже природа затаила дыхание в ожидании беды. Алексей стоял у западной стены частокола, сжимая в руке простое деревянное копье с железным наконечником. Древко было шершавым, холодным. Он никогда не держал в руках оружие. В его мире, в двадцать первом веке, насилие было чем-то далёким, скрытым за экранами телевизоров и новостными сводками. Но здесь, в одиннадцатом веке, насилие было частью повседневной жизни. Оно было рядом. Оно дышало в затылок.

Ратибор ходил вдоль стены, проверяя позиции. Его лицо

было каменным, но Алексей заметил, как дрожат пальцы старосты, когда тот поправлял пояс. Страх был здесь. Он висел в воздухе, густой и липкий. Но люди стояли. Они не бежали. Это была их земля, их дома, их семьи. И они были готовы умереть за это.

— Они близко, — тихо сказал Добрыня, подходя к отцу. Он держал в руках тугой лук, колчан со стрелами висел за спиной. — Я насчитал двадцать человек. Может, двадцать пять. У них есть конные.

Алексей почувствовал, как сердце пропустило удар. Конные. Против пехоты, запертой в деревянной крепости, кавалерия была страшным оружием. Его тактический план, который он так уверенно изложил, теперь казался хрупким, как лёд на весенней реке.

— Они остановились у леса, — продолжал Добрыня. — Ждут.

— Они оценивают наши силы, — сказал Алексей, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Они видят, что нас мало. Но они не знают, что у нас есть западня.

Ратибор посмотрел на него. В глазах старосты читалась усталость и решимость.

— Твоя западня, чужеземец, — наша последняя надежда. Если она не сработает...

— Она сработает, — твёрдо сказал Алексей. Он сам в это не верил, но сказать иначе сейчас означало сломать хрупкий дух защитников. — Помните, что я говорил. Никто не стреляет без моего знака. Никто не кричит. Мы должны заставить их думать, что здесь пусто, или что здесь засада.

Прошло десять минут. Потом двадцать. Тишина давила на уши. И вдруг из-за края леса выехали всадники. Их было пятеро. Они медленно приблизились к частоколу, остановились на расстоянии полёта стрелы. Впереди сидел мужчина в кольчуге, с шлемом на голове. На его груди виднелся знак — волчья голова.

— Эй, смерды! — крикнул он. Голос был хриплым, привыкшим командовать. — Я — воевода Ждан, дружинник князя. Открывайте ворота. Нам нужно зерно и мясо. И девушек для отдыха.

Ратибор выступил вперёд.

— У нас нет лишнего зерна, воевода. Зима была голодной. А девушки наши под защитой Перуна и Христа. Уходите с миром.

Воевода рассмеялся. Смех был коротким, злым.

— С миром? Вы слышали, братия? Они предлагают нам уйти с миром. — Он повернул коня к своим. — Готовьтесь. Снесём этот частокол. Возьмём всё, что нужно. А их... — он махнул рукой, — перебьём.

Всадники развернулись и уехали обратно в лес. Алексей выдохнул. Он знал, что это только начало. Психологическая атака не сработала, теперь пойдёт физическая.

— Они пойдут в обход, — быстро сказал Алексей. — Конные не полезут в лоб на частокол. Они спешатся и пойдут пешком, а коней оставят в лесу. Они ударят с запада, где земля мягче, и частокол ниже.

— Добрыня, — резко сказал Ратибор. — Веди своих на восток. Жди, пока они не упрутся в западную стену. Как только услышишь мой рог — бей им в спину.

Добрыня кивнул и бесшумно растворился в тени изб.

Прошло полчаса. Алексей стоял у западной стены, глядя в щели между брёвнами. Лес молчал. Но он чувствовал их присутствие. Он знал, что они там. Крадущиеся шаги, тихий звон оружия, сдерживаемое дыхание.

И вдруг они появились.

Они вышли из леса бесшумно, как тени. Двадцать человек. Тяжёлые доспехи, щиты, мечи и топоры. Они двигались стройно, привычно. Это были не разбойники. Это были профессионалы войны.

Алексей сжал копьё так, что пальцы побелели. Он не воин. Он учёный. Его оружие — книги, раскопки, факты. Но сейчас его оружием была эта стена, этот лес, и его знания.

Враги подошли к частоколу. Они не стали ломиться сразу. Они начали рубить столбы. Удары топоров эхом разносились по деревне. Дерево трещало.

— Сейчас, — прошептал Алексей. Он оглянулся. Ратибор стоял рядом, держа в руке небольшой рог. — Ждите, пока они не упрутся щитами в стену. Им нужно будет поднять руки, чтобы рубить. В этот момент они беззащитны.

Удары топоров участились. Столбы скрипели. Враги навалились на стену, пытаясь её повалить. Они прижались к брёвнам, подняв топоры.

— Теперь! — крикнул Алексей. — Рог!

Ратибор поднёс рог к губам и дунул. Звук был низким, протяжным, разрывающим тишину.

В этот же момент Алексей крикнул:
— Огонь!

Это был не обычный огонь. За частоколом, с внутренней стороны, были сложены кучи влажной соломы и зелёных веток. Мужчины подожгли их. Густой, едкий дым мгновенно хлынул через щели в частоколе, прямо в лица нападавшим.

Враги закричали. Дым ел глаза, забивал лёгкие. Они отшатнулись от стены, бросая топоры, пытаясь закрыть лица.

— Стреляйте! — скомандовал Ратибор.

Из-за спин защитников взвились стрелы. Не прицельные, но в густую толпу они попадали наверняка. Раздались крики боли. Враги начали отступать, теряя строй.

И тут с востока, из-за изб, выскочил Добрыня со своими лучниками. Они ударили точно в тыл. Враги оказались в клещах. Спереди — дым и стена. Сзади — стрелы.

— Ловушка! — закричал кто-то из нападавших. — Нас предали! Уходим!

Паника, которую Алексей так тщательно планировал, охватила врагов. Они не знали, сколько защитников скрывается в дыму. Им показалось, что деревня полна воинов. Воевода Ждан пытался собрать людей, кричал, ругался, но было поздно. Страх оказался сильнее дисциплины.

— Отходим! — проревел он, разворачивая коня. — К лесу!

Они бежали. Бросая раненых, бросая оружие. Они скрылись в лесу так же быстро, как и появились.

Алексей медленно выдохнул. Колени подкашивались. Он прислонился к стене, чувствуя, как адреналин медленно покидает тело, оставляя после себя тяжёлую, звенящую пустоту.

Ратибор подошёл к нему. Положил тяжёлую руку на плечо.

— Ты сделал это, Алексей Сергеевич. Ты спас нас.

— Мы спасли нас, — тихо поправил Алексей. — Все вместе.

— Нет, — покачал головой староста. — Без твоего ума

мы бы уже лежали мёртвыми. Ты — свой. Слышишь? Свой.

Деревня загудела. Люди выходили из изб, плакали, обнимались. Но Алексей не разделял их радость полностью. Он знал цену этой победы. Где-то в лесу остались раненые. И если их не лечить, они умрут. А враги могут вернуться, когда поймут, что их обманули.

— Раны, — сказал Алексей, отрываясь от стены. — Нужно осмотреть раненых.

Он пошёл к тем, кто получил царапины и ушибы во время обороны. Его знания современной медицины, пусть и базовые, здесь казались чудом. Он знал, что рану нужно промыть чистой кипячёной водой. Он знал, что нельзя использовать грязную ткань. Он знал о существовании бактерий, хотя и не мог объяснить это людям одиннадцатого века.

— Мёд, — командовал он женщинам. — Мне нужен чистый мёд. И кора дуба. Сделайте отвар.

Он обрабатывал раны, накладывал повязки, пропитанные отваром и мёдом. Мёд — природный антисептик. Кора дуба — вяжущее средство. Это было просто, но эффективно.

Один из молодых парней, Мирослав, получил глубокий

порез на руке. Кровь не останавливалась.

— Дави выше раны, — сказал Алексей, показывая его отцу. — Сильнее. Пережми артерию.

Он промыл рану, аккуратно сшил края, используя тонкую льняную нить, прокалённую над огнём.

— Держи руку выше сердца. Не мочи три дня.

Мирослав смотрел на него с благоговением.

— Ты настоящий волхв, — прошептал он.

— Я не волхв, — устало улыбнулся Алексей. — Я лекарь. Просто я знаю, как работает тело.

Вечером, когда опасность миновала, в деревне устроили скромный праздник. Не было изобилия, но люди делились последними запасами. Пекли лепёшки, варили похлёбку. Алексей сидел у огня, чувствуя тепло и безопасность. Впервые за эти дни он чувствовал себя не чужаком, а частью чего-то целого.

Но он знал, что его путь здесь только начинается. И у него ещё много вопросов.

После еды он встал и пошёл к краю деревни. К избе ведуны.

Она ждала его. Дверь была открыта. Внутри горела лучина.

— Ты хорошо сражался, чужеземец, — сказала она, не оборачиваясь. Она сидела у стола, перебирая какие-то корешки.

— Я не сражался, — ответил Алексей, входя. — Я только думал.

— Мысль — это тоже оружие, — возразила она. — Иногда острее меча. Садись.

Алексей сел.

— Как вас зовут? — спросил он. — Ратибор называет вас просто ведуньей.

— Меня зовут Малаша, — ответила она. — Но это имя мало кто помнит. Для них я — тень. Та, кто знает то, чего знать не следует.

— Малаша, — повторил Алексей. — Вы говорили, что знаете, кто я. И зачем я здесь.

Малаша отложила корешки. Посмотрела на него. В свете

лучины её глаза казались почти чёрными.

— Ты носишь оберег, — сказала она. — Медальон. Покажи его.

Алексей колебался. Но потом достал медальон из-под рубахи. Положил на стол.

Малаша не прикоснулась к нему. Она просто смотрела.
— Это не просто металл, — тихо сказала она. — Это ключ. Ключ, который открывает двери между мирами. Между временами.

— Как вы это знаете? — спросил Алексей.

— Потому что я видела такой же, — ответила она. — Давно. Когда я была девочкой. Мой дед нашёл его в реке. Он тоже был чужим. Он пришёл из будущего.

Алексей замер. Сердце забилося так сильно, что он слышал его в ушах.

— Что? Вы серьёзно?

— Я говорю правду, — кивнула Малаша. — Мой дед рассказывал мне. Он говорил, что время — это не прямая линия. Это река. И в ней есть омуты. Вихри. Иногда они выбрасывают людей на берег. В другое время.

— И что случилось с вашим дедом? — спросил Алексей, едва дыша.

— Он остался, — сказала Малаша. — Он не смог вернуться. Ключ потерял силу. Или он сам не захотел возвращаться. Он женился. Построил дом. Умер стариком.

Алексей почувствовал, как холодная волна прокатилась по спине.

— Значит, я могу застрять здесь? Навсегда?

— Всё возможно, — ответила Малаша. — Но медальон ещё тёплый. Я вижу это. Он ещё не завершил свою работу.

— Какую работу? — воскликнул Алексей. — Я историк! Я не герой! Я не должен менять историю!

— Ты уже меняешь её, — спокойно сказала Малаша. — Ты спас девушку. Ты научил их плести сети. Ты помог им победить воеводу. История уже изменилась, Алексей Сергеевич. Вопрос не в том, изменишь ли ты её. Вопрос в том, готов ли ты нести ответственность за эти изменения.

Алексей закрыл лицо руками. Голова шла кругом. Всё, во что он верил, всё, что он знал о причинно-следственных свя-

зях, рушилось.

— Что мне делать? — прошептал он.

— Жить, — просто сказала Малаша. — Делать добро. Использовать свои знания, чтобы облегчить жизнь этим людям. И ждать.

— Чего ждать?

— Когда медальон остынет, — сказала она, — путь домой откроется. Или закроется навсегда. Но пока он тёплый — ты здесь не случайно. У тебя есть цель.

— Какая цель?

Малаша улыбнулась. Впервые за всё время её улыбка была не пугающей, а почти материнской.

— Это ты должен узнать сам, чужеземец. Я только хранительница памяти. Я не пророк.

Алексей взял медальон. Он действительно был тёплым. Слабо, но ощутимо.

— Спасибо, Малаша, — тихо сказал он.

— Иди, — кивнула она. — Тебя ждут. Завтра будет новый день. И новые заботы.

Алексей вышел из избы. Ночь была ясной. Звёзды горели ярко, холодно. Он посмотрел на небо. Те же самые звёзды, что и в его времени. Но расположение их было чуть другим.

Он был здесь. В прошлом. Один. Но не совсем один. У него были знания. И, возможно, у него была цель.

Он сжал медальон в кулаке и пошёл обратно к избе Ратибора. Завтра нужно было учить их строить сушилку для зерна. Завтра нужно было начинать новую жизнь.

И он был готов.

ГЛАВА 5

Осень вступала в свои права неумолимо и быстро. Ещё вчера листья на деревьях желтели, а сегодня утренний иней покрывал землю тонким, хрустящим слоем. Воздух стал резким, холодным, пахнущим прелой листвой и дымом. Зима приближалась, и в деревне это чувствовали кожей. Каждый день, каждый час был на счету. Нужно было успеть заготовить дрова, утеплить избы, сохранить урожай. И именно в это напряжённое время Алексей понял, что его настоящее испытание только начинается.

Утром, на следующий день после отражения нападения дружины воеводы Ждана, деревня проснулась необычно тихо. Не было привычного шума, криков петухов, лая собак.

Люди выходили из изб медленно, оглядываясь, словно ожидая, что враги вернутся. Но лес молчал. Только вороны каркали на голых ветвях дубов, да ветер гнал по земле сухие листья.

Алексей вышел из избы Ратибора. Тело ныло после вчерашнего напряжения, но голова была ясной. Он посмотрел на небо. Серое, низкое. Скоро пойдёт снег.

— Проснулся, чужеземец? — раздался голос Добрыни. Молодой воин сидел на бревне у колодца, чинил тетиву своего лука. Его лицо было усталым, но в глазах горел живой огонёк.

— Проснулся, — ответил Алексей, подходя ближе. — Как люди?

— Живы, — кивнул Добрыня. — Испуганы, но живы. Отец уже созвал сход. Идёт в избу.

Алексей направился к дому старосты. Внутри уже собрались мужчины деревни. Ратибор стоял во главе стола, опираясь на него обеими руками. Его лицо было серьёзным.

— Братья, — начал он, не повышая голоса, но так, что слышно было каждому. — Мы отбили нападение. Но зима на

носу. Урожай в этом году слабый. Если мы не подготовимся, весной нам нечего будет сеять, а зимой нечего будет есть.

Он обвёл взглядом собравшихся и остановился на Алексее.

— Алексей Сергеевич предложил способы, как сохранить зерно и улучшить землю. Я решил дать ему возможность показать своё мастерство. Кто не согласен — говорите сейчас.

Мужчины переглянулись. Кто-то хмыкнул, кто-то опустил глаза. Но после вчерашнего, после тактики с дымом и ловушкой, спорить с чужеземцем никто не решался.

— Делай, Алексей, — сказал наконец Глеб, отец спасённой девушки. — Мы поможем.

Так началась работа. Алексей знал, что в одиннадцатом веке основой выживания было земледелие. Но методы были примитивными. Подсечно-огневая система истощала землю. Нужно было внедрять севооборот.

Он собрал мужчин на краю поля. Взял палку и начертил на земле схему.

— Смотрите, — говорил он, стараясь говорить просто, без сложных терминов. — Сейчас вы сажаете зерно на одном месте, пока земля не перестанет родить. Потом бросаете это

поле и идёте в лес, рубите деревья, сжигаете. Это долго и трудно.

Мужчины кивали. Они знали это лучше него.

— Но есть другой путь, — продолжал Алексей. — Разделите поле на три части. На первой сажайте рожь или пшеницу. На второй — ячмень или овёс. А на третьей оставьте отдыхать, но не просто так. Посадите там горох или бобы.

— Бобы? — переспросил кто-то. — Это еда для людей, а не для земли.

— Бобы особенные, — улыбнулся Алексей. — Они кормят землю. Когда вы осенью перекопаете поле с бобами и оставите их корни в земле, на следующий год там вырастет вдвое больше зерна. Земля станет сильнее.

Добрыня, стоявший рядом, скептически покачал головой.
— Звучит как колдовство.

— Это не колдовство, — твёрдо сказал Алексей. — Это закон природы. Попробуйте. Выделите одно небольшое поле. Только одно. Если я ошибусь, вы ничего не потеряете. Если я прав — вы спасёте деревню от голода.

Ратибор поддержал его.

— Делаем, как говорит Алексей. Глеб, тебе выделяем участок у реки.

В течение следующей недели вся деревня работала над новым проектом. Но Алексей не ограничился только полем. Он знал, что влажная осень может погубить весь урожай, если зерно не будет правильно высушено.

— Нам нужно построить сушило, — объявил он. — Небольшую избушку без окон, с каменной печью внутри. Туда мы будем складывать снопы, а снизу разводить огонь. Дым и жар высушат зерно, и оно не сгниёт.

Строительство сушила стало общим делом. Алексей руководил процессом, объясняя, как класть камни для печи, как делать тягу, чтобы дым выходил через специальное отверстие в крыше, а не заполнял всё помещение. Работали от рассвета до заката. Руки Алексея покрылись мозолями, спина болела, но он не жаловался. Он видел, как меняется отношение к нему. Если в первые дни его косились, то теперь мужчины советовались с ним, спрашивали, как лучше сделать.

Особенно сблизился с ним Добрыня. Молодой воин был любознательным и умным. Он не боялся задавать вопросы, в

отличие от старших, которые часто скрывали своё незнание за гордостью.

Однажды вечером, когда они сидели у костра за деревней, охраняя стадо лошадей, Добрыня спросил:

— Алексей, а в твоих землях... там тоже так?

— Что именно? — отвлёкся Алексей от мыслей.

— Люди тоже работают от зари до зари? Боятся зимы? Воюют за кусок хлеба?

Алексей посмотрел на огонь. Как объяснить ему мир двадцать первого века? Мир, где еду можно купить в магазине, где тепло есть в каждом доме, где не нужно бояться, что соседний князь придёт и сожжёт всё?

— Нет, — тихо сказал он. — В моих землях... там по-другому. Там не нужно бояться голода. Там люди живут в каменных домах, которые сами нагреваются. Там не воюют за хлеб.

Добрыня усмехнулся, думая, что чужеземец шутит или рассказывает сказку.

— Звучит как рай. А боги там есть?

— Есть, — кивнул Алексей. — Но люди там часто забывают о них. Потому что им слишком легко живётся.

— Вот это я понимаю, — серьёзно сказал Добрыня. — Легкая жизнь портит человека. Труд делает его сильным.

Алексей промолчал. В чём-то воин был прав.

Их дружбу скрепил случай, произошедший через несколько дней. Добрыня учил Алексея обращаться с луком. Алексей был неловким, тетива резала пальцы, стрелы летели мимо цели. Добрыня терпеливо поправлял его стойку, показывал, как дышать.

— Ты умный, Алексей, — говорил он. — Но тело нужно тренировать. Ум может спасти деревню, но в лесу, один на один с волком, ум не поможет. Помогут руки.

Алексей слушал и старался. Он понимал, что Добрыня прав. В этом мире физическая сила и навыки выживания были так же важны, как и знания.

Но настоящее испытание на доверие ждало их впереди. И оно пришло не от людей, а от природы.

В конце недели, когда первые заморозки уже сковали лужи тонким льдом, в деревне началась паника. Утром пастух

пригнал стадо коров, и люди увидели, что три животные хромают, а одна вообще не могла идти. Её бока вздымались, глаза были мутными, а на шее появились странные тёмные пятна.

— Хворь! — закричал пастух. — Моровая язва пришла!

Деревня загудела. Скот был их главным богатством. Без коров не будет молока, масла, мяса. Без лошадей не вспашут поле весной. Это была катастрофа.

Ратибор сразу собрал сход. Алексей был там. Он осмотрел больную корову. Животное тяжело дышало, температура была очень высокой. Это напоминало симптомы сибирской язвы или какой-то острой бактериальной инфекции, которая быстро распространялась через воду или корм.

— Нужно изолировать больных, — сразу сказал Алексей.
— Увести их подальше от деревни. В старый загон у оврага.

— А что делать с остальными? — спросил испуганный Глеб.

— Всех, кто контактировал с больными, тоже в загон. Никакого контакта со здоровым стадом. И главное — вода. Они пили из одного ручья?

— Да, — кивнул пастух.

— Вода заражена, — сказал Алексей. — Нужно кипятить воду для животных. Или дать им воду из глубокого колодца, но только после того, как мы её прокипятим и остудим.

Мужчины зашумели.

— Кипятить воду для скота? — возмутился кто-то. — Дров не напасёшься! Это безумие!

— Это не безумие, — твёрдо сказал Алексей. — В воде живут невидимые зверьки. Они меньше пылинки. Их не видно глазом, но они убивают скот. Огонь убивает этих зверьков. Если мы не прокипятим воду, умрёт всё стадо.

— Колдовство, — пробормотал старик-охотник. — Он морит наш скот своими невидимыми зверьками.

— Тихо! — рявкнул Ратибор. Ударил кулаком по столу. — Я сказал, мы слушаем Алексея. Кто не согласен — пусть сам идёт и лечит коров.

Никто не вышел.

Алексей взял ситуацию в свои руки. Он знал, что время

работает против него. Инфекция распространяется быстро.

— Добрыня, — позвал он. — Бери трёх мужчин. Перегоните всех коров, которые были на том пастбище, в старый загон. Сейчас же. Не давайте им пить из ручья.

— А больные? — спросил Добрыня.

— Больных переведите в отдельный угол загона. Я пойду с вами.

Они работали весь день. Перегнали скот, разделили его. Алексей сам осматривал каждое животное. Тех, у кого были явные признаки болезни, он отделил. Для них он мало чем мог помочь, кроме как облегчить страдания. Он дал им отвар коры ивы, чтобы сбить температуру, но понимал, что шансы невелики.

Главное было спасти здоровых.

Он приказал женщинам набрать воды из колодца, прокипятить её в больших котлах, остудить и дать скоту. Это была тяжёлая, изматывающая работа. Дрова горели быстро, котлы были тяжёлыми. Но Алексей стоял рядом, контролировал процесс, не давал никому отлынивать.

— Пейте, — говорил он, подходя к загону с ведром остыв-

шей кипячёной воды. — Пейте, и вы будете жить.

К ночи он был без сил. Руки горели от ожогов, спина не разгибалась. Он сидел у костра, глядя на огонь. Добрыня сел рядом, молча протянул ему деревянную чашку с горячей похлёбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.